

13. S/RES/748 (1992) – Резолюция Совета Безопасности ООН № 748 от 31 марта 1992 года
14. Peters A. Security Council Resolution 2178: The “Foreign Terrorist Fighter” as an International Legal Person, Part I. 2014 URL: <https://www.ejiltalk.org/security-council-resolution-2178-2014-the-foreign-terrorist-fighter-as-an-international-legal-person-part-i/> (дата обращения: 04.03.2018).
15. Сайт Президента Российской Федерации. Ответы на вопросы российских журналистов 14.04.2011 г., Китай, Хайнань, г. Санья. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/10940> (дата обращения: 01.03.2018).
16. United Nations [Электронный ресурс]: Security Council renews CTED mandate. URL: http://www.un.org/en/sc/ctc/news/2013-12-17_CTED_Mandate_renewal.html (дата обращения: 01.03.2018).
17. Гридчин А.А., Пашкевич А.В. Современные локальные конфликты и терроризм: источники и репродуцирующие механизмы. Роль международных и региональных организаций как стабилизаторов мировой безопасности // Информационный бюллетень АТЦ СНГ №19, 2012 г. URL: <http://www.cisatc.org/134/157/566.html> (дата обращения: 12.03.2018).
18. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма (Екатеринбург, 16 июня 2009 г.) // Бюллетень международных договоров. 2012. N 10. С. 68 - 82.
19. Консолидированная концептуальная база ОБСЕ для борьбы с терроризмом (Решение № 1063 Постоянного совета Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (PC.DEC/1063) от 7 декабря 2012 г. 934-е пленарное заседание) // PC Journal No. 934, URL: <https://www.osce.org/ru/pc/98542> (дата обращения: 11.03.2018).
20. Linos-Alexander Sicilianos The classification of obligations and the multilateral dimension of the relations of international responsibility // European Journal of International Law. 2002, vol. 13 no. 5, 1127-1145
21. Коптева Е. А. Классификация международных обязательств // Евразийская адвокатура. 2013. № 1 (2). — С. 114—117.
22. Заявление о совместных действиях Российской Федерации и Королевства Испания в борьбе с терроризмом от 9 февраля 2006 года URL: <http://kremlin.ru/supplement/3692>

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ
ст. 110.1 УК РФ СО СМЕЖНЫМИ СОСТАВАМИ**

И.Э. Сураев,
студент ЧОУ ВО «ОмЮА»
направление «Юриспруденция»
suraev.igor@yandex.ru
Научный руководитель:
Ю.С. Пестерева,
доцент кафедры уголовного
права и криминологии ОмЮА,
кандидат юридических наук, доцент

Проблема суицидов в Российской Федерации приобрела в последнее время особенно важное значение. Наша страна до сих пор остаётся в числе стран, с наиболее высоким уровнем суицидов [1]. Особый общественный резонанс приобрела проблема массового вовлечения в суицидальные группы несовершеннолетних (группа «синий кит»). Это повлекло изменения в уголовном законодательстве, в части ужесточения ответственности за содействия самоубийствам (ст. 110.1, 110.2 УК РФ). Необходимо отметить, что среди учёных, вопросы отграничения самоубийств от «посредственных» убийств вызывает широкие дискуссии. Обратимся к наиболее спорным аспектам отграничения убийств от самоубийств.

Для того чтобы начать исследование проблемы, нам необходимо ввести в оборот понятие «самопричинение смерти», под которым будет пониматься причинение самому себе повреждений, влекущих за собой смерть, разновидностями которого будут являться *несчастный случай* и *самоубийство*. Последнее в свою очередь бывает двух разновидностей – *самоубийство без внешнего понуждения (самоубийство в чистом виде)* и *самоубийство под понуждением*,

Первая разновидность самоубийства не будет являться преступным деянием, т.к. при самоубийстве субъект и потерпевший – это одно и то же лицо [2; 467]. Здесь можно возразить, указав, что в УК РФ существует состав преступления, предусматривающий ответственность за причинение вреда - уклонение военнослужащего от исполнения обязанностей военной службы путем причинения себе какого-либо повреждения (членовредительство), статья 339 УК РФ. Здесь также будут совпадать субъект и потерпевший. Однако здоровье военнослужащего, если и будет признано объектом преступления [3], то факультативным. Ввиду вышесказанного в возбуждении уголовного дела по фактам самоубийств следователи отказывают в возбуждении уголовного дела, руководствуясь п.1 ч.1 ст. 24 УПК РФ, т.е. за отсутствием события преступления.

Характеризуя уголовно-наказуемые виды самопричинения смерти, необходимо отметить, что самопричинитель не несёт уголовную ответственность, поскольку самопричинение смерти в данном случае будет являться последствием деяния субъекта, и совокупным элементом объективной стороны преступления.

Обратимся к характеристике субъективных признаков самопричинителя смерти, которые позволяют отграничить самоубийство и убийство. Таковым субъективным элементом следует считать психическое отношение к самоубийству. Во-первых, лицо должно осознавать, что оно совершает самоубийство и, что последствием своих действий станет смерть самого лица, совершающего такого рода действия. Так, в случае, когда лицо, выпивает стакан с каким-либо напитком, содержащим яд – речь идёт не о самоубийстве, а об убийстве путём отравления, хотя и имело место самопричинение смерти, т.к. потерпевший употребил пищу самостоятельно, своими волевыми действиями, просто не предполагая, что пища отравлена. Ещё одним вариантом, согласно которому самопричинение смерти не будет являться самоубийством, будет самопричинение смерти невменяемым лицом, т.е. лицом, не могущим в момент совершения действий осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий.

Следующим субэлементом отношения к самопричинению смерти будет являться желание совершения самоубийства. Традиционно в психологии и суицидологии выделяется два вида самоубийств: истинное, когда лицо действительно желает причинить себе смерть, и демонстративное самоубийство, когда данный поступок является, своего рода, актом сосредоточения внимания на своей персоне, своих проблемах и трудностях, нежели реальное желание смерти. Однако и при истинном, и при демонстративном самоубийстве действия в целях причинения себе смерти самоубийцы будут *волевым* актом человека, т.е. желаемыми самим самоубийцей. В случае же, если при принятии решения у лица отсутствует свобода выбора, то здесь стоит говорить о пороке воли, понимаемым нами как отсутствие у жертвы возможности выбора способа поведения [4; 679]. Так, например, преступник предлагает потерпевшему два варианта: либо потерпевший совершает самоубийство (например, прыжок с крыши) либо преступник предлагает это сделать своими руками (например, поджечь заживо). Также порок воли будет проявляться в том случае, когда лицо не могло руководить своими действиями вследствие психического расстройства или иного психического состояния. Желает ли он действительно ли себе смерти вследствие этих действий («истинное» самоубийство), либо не желает («демонстративное» самоубийство), принципиального значения для квалификации иметь не будет.

Вместе с тем, наряду с психическим состоянием необходимо проанализировать не менее важный вопрос о возрасте, с которого самопричинение смерти можно считать самоубийством, а не убийством.

Так, по мнению Крыловой Н.Е., законодатель, устанавливая уголовную ответственность за наиболее тяжкие преступления против личности с 14 лет, презюмирует тот факт, что именно с этого возраста человек уже может оценить общественную опасность и социальную значимость лишения жизни [5; 36]. Исходя из этого, она приходит к выводу, что поскольку несовершеннолетний способен сделать это в отношении отдельного человека, то значит, может и оценить последствия разрушительных действий и в отношении себя самого. Также она указывает, что в принципиальном плане последствия совершения действий, направленных на причинение смерти, ему понятны. Мы не станем опровергать данное мнение, соглашаясь с тем, что в случае совершения самоубийств-

ва в возрасте 14 лет при наличии доведения/склонения содеянное следует квалифицировать по соответствующим статьям УК РФ.

Однако автором статьи ограничилась лишь тем, что уже с 14-летнего возраста причинение себе смерти будет однозначно квалифицироваться как самоубийство, не углубляясь подробно в вопрос о том, в каком возрасте будет проходить линия разграничения между причинением себе смерти как несчастный случай и причинением себе смерти как самоубийство.

Вместе с тем, возраст, который будет своеобразной «точкой отсчёта» для самоубийства до сих пор не определён. Так, согласно методике советского ЦСУ, минимальный возраст самоубийцы был 10 лет, что упоминается у Бородина С.В.. Параллельно с тем, ВОЗ рекомендует уже с рождения считать самопричинение смерти самоубийством, а в интервью РИА новости [6] было заявлено, что минимальный возраст самоубийцы был зафиксирован на отметке в 5 лет.

Нам позиция, высказанная Всемирной Организацией Здравоохранения, кажется неправильной, в силу того, что малолетнее лицо не имеет точных представлений о смерти, о механизмах и действиях, способных причинить смерть, не способно дать адекватную оценку социальной значимости жизни и общественной опасности её потери.

Если обратиться к исследованиям в сфере суицидологии [7; 203], а также педагогики [8; 240], то учёными отмечается следующая возрастная динамика отношения к самоубийству и смерти. Так, в возрасте 6-7 лет дети не испытывают страха перед самоубийством, т.к. смерть им казалась, своего рода, глубоким и что после неё наступит новая жизнь без проблем и неурядиц. Следующая возрастная отметка – 10-12 лет. Данная категория детей отмечает, что смерть – исчезновение навсегда, но также отсутствовала убежденность в том, что смерть есть конец жизни. С их точки зрения, смерть является устранением от жизненных проблем, наказанием обидчиков, но на определенное время. При этом учёные прямо не отвечают на вопрос об осознании последствий своих действий, однако из вышесказанного нами делается вывод о том, что всё-таки в этот период дети осознают то, что своими действиями они идут на смерть. При этом утверждения о том, что детей ждёт отстранение от жизненных неурядиц, можно отнести как фантазию ребёнка, строящуюся на образных, «далёких» представлениях, не исключающих при этом того, что своими действиями будет причинена смерть, представление о последствиях которой, как раз и будет предметом фантазий. Следующая возрастная категория, определяемая как «подростковая», не содержит какого-либо конкретного возраста, однако логично полагать, что её следует отсчитывать с возраста 13 лет. В этом возрасте представления о смерти совпадают с представлениями взрослых. Здесь мы сталкиваемся с двумя вариантами отношения малолетних лиц к самоубийству. Первый вариант рассматривает самоубийство детей через призму логической цепочки «совершение определённых действий, ведущих к смерти» и осознание того факта, что именно их действия ведут к смерти. Вторая точка зрения рассматривает вопрос через призму представления смерти и её последствий у детей. Таким образом, согласно первой точке зрения, минимальный возраст самоубийцы следует отсчитывать с 6 лет, т.к. с этого момента лицо начинает осознавать последствия совершаемых им действий. Вторая точка зрения утверждает, что самоубийство, как осознанный акт может иметь место с возраста 10-12 лет, т.к. с этого момента лицо начинает осознавать очень важный результат смерти – её безвозвратность.

Учитывая, что нами было разработано положение, согласно которому субъективным элементом самоубийства будет являться осознание того факта, что в результате совершаемых лицом действий будет являться смерть человека, то тогда стоит согласиться с тем, что с возраста 6 лет склонение к самопричинению смерти следует квалифицировать по ст. 110.1 УК РФ. Однако, как указывают суицидологи, дети в этом возрасте не боятся совершить самоубийство в силу вышеуказанной нами причины в виде убежденности того, что жизнь после смерти начнётся снова. Таким образом ребёнка легче склонить к совершению самоубийства. Но будет ли принципиальная разница между склонением к самоубийству ребёнка и взрослого человека?

В данном случае субъективный субэлемент самоубийства следует толковать, уводя акцент от осознания причинно-следственной связи между действием, направленным на причинение себе смерти и последствием между смертью, смещая его к вопросу о том, будет ли понимать малолетнее лицо, совершая самоубийство, к чему оно, стремится? Так как малолетнее лицо в возрасте 6 лет убеждено, в том, что после смерти будет новая жизнь, то, нельзя признать, что оно будет осознавать конкретные последствия таких действий, в виде необратимой гибели мозга, и, как следствие, необратимости самой смерти.

В свою очередь, данный факт будет понимать возрастная категория 10-12 лет, поскольку как указывалась выше, они уже осознают, что смерть – это уход навсегда. Если выделять, конкретный возраст, то мы остановимся на том, что с возраста 12 лет самопричинение смерти всегда будет самоубийством, однако с возраста 10 лет следует установить презумпцию осознания последствия совершаемых действий в виде смерти, однако в случае появления сомнения в этом следует проводить судебно-психологическую экспертизу (в т.ч. и посмертную). До 10 лет действия по самопричинению смерти следует рассматривать как убийство «чужими руками».

Разрешив вопросы разграничения «суицидальных» составов от ч. 2. ст. 105 УК РФ, мы предлагаем исследовать понятийный аппарат диспозиций части 1 и 2 статьи 110.1 УК РФ. Стоит указать, что законодатель заимствовал нормы о подстрекателе и пособнике из ст. 33 УК РФ.

Так, в качестве первого способа склонения к самоубийству законодатель выделил уговоры. В научной литературе есть два мнения относительно того, что принято считать уговорами. Так, с точки зрения А.И. Рарога [9] под уговорами следует понимать просьбы или советы совершить что-либо. Другой подход выработан авторами энциклопедии уголовного права [10; 171], которые признают уговор как убеждение лица с использованием аргументов, рассчитанных на преодоление критического восприятия совершить преступление, но в нашем случае суицид. При этом авторами предполагается, что уговор(ы) должны носить неоднократный, продолжаемый характер. Для определения понятия уговор, нам кажется, более приемлемым использовать понятие, данное авторами энциклопедии, т.к. оно лучше раскрывает сущность уговоров. В качестве примера можно привести ситуацию, когда виновный неоднократно просит потерпевшего, чтобы он спрыгнул с крыши, закрылся в гараже с включённым двигателем автомобиля и т.д.

Понятие термина «предложение» можно истолковать двояко. Первый вариант рассматривает предложение как однократное убеждение лица с использованием аргументов, рассчитанных на преодоление критического восприятия совершить самоубийство. Второй вариант мы решили позаимствовать из словаря Ожегова С.И. [11], применив его к диспозиции части 1 статьи 110.1 УК РФ, обозначив высказывание мысли о самоубийстве, как о возможном, желаемом.

Под подкупом в энциклопедии уголовного права понимается обещание подстрекаемому материальной выгоды в виде денег, имущества, услуг материального характера либо освобождения от имущественных обязательств. Представить такую ситуацию достаточно сложно, возможно будет иметь место, когда предоставление денег, услуг или имущества будет осуществлено до момента суицида, когда потерпевший имеет возможность владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом, деньгами, объектом услуг. Однако в данном определении освобождение от имущественных обязательств должно рассматриваться только при квалификации по п. «а» ч. 3 ст. 110.1, а именно в случае материальной или иной зависимости от виновного. Также мы не станем исключать вариант, при котором материальная выгода будет предоставляться не самому самоубийце, а третьим лицам как до момента самоубийства, так и после такового.

Понятие обмана нами было заимствовано из ППВС «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» от 30.11.2017 [12]: сознательное сообщение заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений либо в умолчание об истинных фактах, либо умышленные действия, направленные на введение в заблуждение. Интересным представляется вопрос о том, относительно чего будет заблуждение? Относительно того, будет ли, допустим, прыжок с крыши на козырёк подъезда несмертельным и неопасным для жизни? Но ведь суицидент осознаёт, а, главное, желает своей смерти, значит он не может быть введён в заблуж-

дение относительно смертельной опасности относительно данного способа. В случае же, если потерпевший действительно не представлял опасности совершаемых с ним действий, то данное действие надлежит квалифицировать либо как несчастный случай, либо как вышеупомянутое убийство «своими руками», т.к. в этом случае отсутствовало осознание относительно того, что станет результатом этих действий. Но вместе тем, состав, предусматривающий склонение путём обмана, нам кажется допустимым, только в примере, если преступник склонит лицо к самоубийству, предложив совместно с ним совершить самоубийство без действительного намерения совершить его самому.

В качестве иного способа мы бы могли отнести выполнение приказа о совершении самоубийства, однако если приказ был сопряжён с соответственно угрозами на случай невыполнения приказа, а также с унижением, то содеянное следует квалифицировать по ст 110, и дополнительная квалификация по статье 110.1 УК РФ не требуется. Вместе с тем, мы считаем правильным решение законодателя ввести не исчерпывающий перечень способов склонения к самоубийству вследствие разнообразия общественных отношений.

Далее мы хотим провести такой же анализ понятийного аппарата диспозиции части второй вышеуказанной статьи.

Т.к. данные деяния можно признать «пособничеством» суициду, то мы предлагаем разделить виды такого «пособничества» на интеллектуальное и физическое. К интеллектуальному будут относиться советы («убей себя так»), указания (аналогично советам, только с более требовательной окраской) и предоставлением информации (разница может проходить в том, что данное положение следует рассматривать как предоставление массива информации, из которого стоит выбрать определённую информацию, необходимую именно для конкретного суицида). Также к интеллектуальному содействию стоит отнести обещание скрыть орудия и средства совершения суицида. В данном случае мы можем констатировать, что признание общественно опасным данного вида содействия законодателем является не просто «копированием» нормы о пособничестве к совершению преступления, а обдуманый и взвешенный шаг, поскольку с точки зрения законодателя отказ лица от предоставления средств, а равно и информации (а именно это и преследовал законодатель при принятии нормы) может за собой привести и к отмене решения о самоубийстве, следовательно, данное положение следует признать превентивным. К физическому пособничеству стоит отнести предоставление средств и орудий совершения самоубийства и устранение препятствий к совершению суицида. Каких-либо отличительных признаков для отграничения от этих же понятий, применяемых в статье 33, мы выделить не можем.

Вместе с тем возникает вопрос об отграничении понятий «орудия» и «средства» самоубийства. Данная проблема в науке уголовного права до сих пор является неразрешённой, в науке сложилось несколько подходов к пониманию орудия и средств преступления.

Согласно первому мнению, понятия «орудия» и «средства» преступления являются тождественными. Этой позиции придерживается М.М. Смирнов, отмечая, что «Средства и орудия совершения преступления – это те орудия и приспособления, при помощи которых было совершено преступление» [13; 25].

Вторая точка зрения дифференцирует эти понятия. Согласно мнению Денисовой А.С., «орудия – это предметы материального мира, используемые для разрушающего воздействия на предметы преступления или для причинения физического вреда человеку, которые полностью находятся под контролем воли и сознания субъекта, применяются для непосредственного осуществления преступного деяния путём уменьшения количества затрагиваемых усилий или путём концентрации силы. Средства – это различные вещества, предметы, газы и т.д., химические (яды), физические (радиация, электрический ток), биологические (инфекционные болезни) и иные, свойства которых используются преступником в процессе совершения преступления для создания благоприятных условий его осуществления и облегчающие процесс его исполнения, не поддающиеся полному контролю воли субъекта, которые только включаются субъектом в преступную деятельность, а сам процесс воздействия на объекты материального мира происходит независимо от контроля волей субъекта». [14; 45]

Более обоснованной нам кажется вторая точка зрения, как более разграничивающая эти понятия. Предлагаем, применительно к ст. 110.1 УК РФ следующую трактовку этих понятий. Под орудием совершения самоубийства будет пониматься предмет материального мира, используемый для разрушающего воздействия для причинения лицом смерти самому себе путём уменьшения количества затрагиваемых усилий или путём концентрации своей силы. Средствами совершения самоубийства будут являться различные вещества, предметы, газы и т.д., химические (яды), физические (радиация, электрический ток), биологические (инфекционные болезни) и иные, свойства которых используются лицом в процессе совершения самоубийства для создания благоприятных условий его осуществления и облегчающие процесс его исполнения, не поддающиеся полному контролю воли субъекта, которые только включаются субъектом в суицидальную деятельность, а сам процесс воздействия на объекты материального мира происходит независимо от контроля волей субъекта. Таким образом, мы можем прийти к выводу о том, что принципиальной разницы между орудиями и средствами самоубийства и орудиями и средствами убийства не будет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 86. умершие по основным классам причин смерти / Федеральная служба Государственной статистики Российской Федерации. Сайт. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B11_34/IssWWW.exe/Stg/d01/01-86.htm. (дата обращения 12.01.2018).
2. С.В. Бородин. Преступления против жизни. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – 620 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный). Т. 2. (2-е издание) / под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2015. // Доступ из СПС «Консультант Плюс».
4. Энциклопедия уголовного права. Убийства, совершённые при смягчающих обстоятельствах и иные преступления против жизни / под ред. А.Н. Попов. Т. 13. – СПб.: МИЭП при МПА ЕврАзЭС, 2013. – 1279 с.
5. Крылова Н.Е. "Группы смерти" и подростковый суицид: уголовно-правовые аспекты // Уголовное право. – 2016. – № 4. – С. 36 - 48.
6. Самоубийства в России: осеннее обострение или опасная тенденция? // РИА новости. сайт. URL: <https://ria.ru/online/20111115/489185975.html>. (дата обращения 12.01.2018).
7. Суицидология: учебное пособие / И.Л. Шелехов, Т.В. Каштанова, А.Н. Корнетов, Е.С. Толстолесов. – Томск: Сибирский государственный медицинский университет, 2011. – С. 203.
8. Воспитание трудного ребёнка: Дети с девиантным поведением: Учеб.-метод. пособие / под ред. М.И. Рожкова. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. – С. 240.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 7-е издание, переработанное и дополненное / под ред. А.И. Рарога. – М.: Проспект, 2011 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»
10. Энциклопедия уголовного права. Виды соучастников преступления / под ред. Никулина С.И. Т. 6. – СПб.: МИЭП при МПА ЕврАзЭС, 2007. – С. 1145.
11. «Предложить» // Словарь Ожегова С.И. Сайт. URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=23368> (дата обращения 8.11.2017)
12. ППВС «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» №48 от 30.11.2017. Верховный суд РФ. Сайт. URL: <http://www.vsrfr.ru/documents/own/26108/> (дата обращения 21.01.2018)
13. Смирнов М.М. Уголовное право РФ. Общая часть. – М., 2001. – С. 643.
14. Денисова А.С. Уголовно-правовое значение орудий и средств совершения преступления: дисс., канд., юрид., наук. – М, 2005. – С. 202.